

Окунь Семен Бенцианович

**Очерки по истории
колониальной политики
царизма в Камчатском крае**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С30

С30 **Семен Бенцианович О.**
Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае / Окунь
Семен Бенцианович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 155 с.

ISBN 978-5-521-26216-8

ISBN 978-5-521-26216-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ

Услужливой буржуазной «наукой» опровергается все то, что мешает господствующим классам создать себе не только прочное незыблемое настоящее, но и «непорочное» бескровное прошлое.

Недаром характеристику сущности буржуазной науки Ленин начинает полным глубокой иронии известным изречением, утверждающим, что «если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы». ¹

История российской колониальной экспансии, история безудержного грабежа и насилия, повлекших массовое истребление и вымирание целых народов, рисуется этой наукой как мирный идиллический процесс. Единственный вид борьбы, наличие которой в истории русских завоеваний, в частности при завоевании Сибири, не отвергается буржуазными учеными, это — борьба колонизаторов с суровой природой.

«Сибирь, — как пишет Головачев, один из наиболее активных областников, — была, можно сказать, «res nullius», ² которую нужно было только занимать и заселять и где для русских борьба с природой была гораздо труднее, чем с туземным населением». ³

Но упрямые факты плохо укладывались в рамки наивной апологетики методов колониальной политики русского царизма. Значительно авторитетнее для буржуазной истории звучало утверждение о естественной закономерности всякого насилия

¹ Ленин, Соч., изд. III, т. XII, стр. 183.

² Вещь, никому не принадлежащая.

³ П. Головачев, Желательный тип сборников материалов по истории сибирских городов, «Журнал министерства народного просвещения», 1905, № 9—10, стр. 250.

при колонизации, — насилия, оправдываемого той великой миссией, которая лежала на завоевателях, несших «цивилизацию» на остриях своих штыков.

Проходили десятилетия, из «славных крестоносцев» историческая наука превращала русских конкистадоров уже в носителей «культурного прогресса», и все оправдывавшая и все позволявшая теория «великой миссии» совершала свое победное шествие по страницам исследований буржуазных ученых различных групп и направлений.

По мысли Словцова, все находит свое оправдание в той великой задаче, которая выпала на Россию в деле обращения язычников «в лоно православной церкви». «Если бы дело обращения не свершилось, тщетно было бы завоевание края... тогда заразительные болезни, опустошавшие и опустошающие страну, были бы неоплатными бедствиями пред всевышним оком», ¹ писал Словцов о колонизации Сибири.

Упоминая о «жестокости и своеволии» русских при захвате американских колоний, П. Тихменев, автор монументального апологетического труда о Российско-Американской компании, спешит уверить читателя, что «так было везде и во все времена при вступлении европейца в среду дикарей, которых он должен был подчинить своей власти и вместе с тем положить между ними начало нового, лучшего порядка, если даже и не всегда для личного благосостояния последних, то по крайней мере для пользы их потомства». ²

Наконец эту же мысль в ином несколько варианте мы встречаем и у столь «либерального» профессора, как Фирсов, который даже до революции порою ссылался на Маркса.

Остановливаясь на опустошениях, производимых русскими в Сибири, Фирсов пишет: «Таково, повторяю, отношение вообще победителей к побежденным в отдаленных странах, неизбежно опустошаемых и разоряемых. Факт, давно установленный в науке». При этом в подстрочном примечании Фирсов ссылается на Маркса: «См. напр. у Маркса в описании процесса так называемого первоначального накопления».

Заявляя, что «конечным и роковым последствием этого факта при малой физической и духовной выносливости побеж-

¹ П. Словцов, Историческое обозрение Сибири, изд. Сибирякова, стр. 90—91.

² П. Тихменев, Историческое обозрение Российско-Американской компании, СПб. 1861, ч. I, стр. IV.

даемой расы являлось вырождение и вымирание туземного населения», подтверждая это положение на примере Камчатки, где, по свидетельству цитируемой им исторической записки, «притеснения от завоевателей, т. е. казаков, занесенные сими последними болезни, жителям тамошним до того неизвестные, а наипаче оспа и венерическая болезнь, истребили большую часть камчадалов», — Фирсов однако все это приправляет чисто великодержавной установкой о великих задачах гуманности, которыми впоследствии начало руководиться самодержавие в колониях и которые в конце концов оправдывали все насилия, совершенные в прошлом. «Но подобная судьба, — пишет Фирсов, подводя итоги колониальной политики царизма на Камчатке, — постигла и некоторые другие народы Сибири и разумеется постигла бы всех, если бы не громадный культурный прогресс метрополии, если бы не проникновение верховной власти принципом разумной государственной экономии, совпадающей и с великими началами гуманности и с настоящими, непреходящими политическими и общественными интересами и задачами России в Сибири».¹

А между тем именно Камчатка, которую затронул Фирсов, одна из малоизвестных в сущности колоний царской России, дает яркий материал, полностью вскрывающий всю «бесподобную картину предательства, подкупов, убийств и подлостей», к которым самодержавие прибегало ничуть не в меньшей мере, чем классические колониальные страны, как Голландия, Испания и др., прибегало начиная с первого дня захвата полуострова и кончая последним днем своего существования.

Свыше двухсот лет хозяйничало самодержавие на Камчатке. Являясь первоначально только источником ценной пушнины, Камчатка очень скоро приобрела стратегическое значение для дальнейшей феодальной экспансии, частично сохранив это значение и для завоевательных планов периода господства военно-феодального империализма.

В свою очередь это обстоятельство повлияло и на политику царизма по отношению к народам, населявшим полуостров. Уменьшение количества собираемого с туземцев ясака, становившееся особенно заметным с тридцатых годов XVIII в., способствовало еще большему истреблению аборигенов полуострова, и в первую очередь камчадалов, поскольку для колонизаторов

¹ Н. Фирсов, Чтения по истории Сибири, М. 1915, стр. 57.

они представляли ценность лишь как источник выкачивания пушнины.

В отношении же тех народов, у которых пушнина всегда была в незначительных количествах (коряки, чукчи), правительство откровенно ставило вопрос о необходимости поголовного истребления таковых, ибо их упорное сопротивление мешало дальнейшей русской экспансии.

Занесенные русскими эпидемические заболевания, хозяйничание ростовщического капитала, обиравшего, спавивавшего и в конечном счете совершенно закабалявшего туземцев, постоянные голодовки, как результат истребления естественных ресурсов, — таковы были факты, способствовавшие прогрессирувавшему обнищанию и вымиранию некогда многочисленных аборигенов Камчатки.

Освобождение угнетенных и эксплуатируемых народов начинается на Камчатке с конца 1922 года, когда на полуострове окончательно были ликвидированы белобандиты и утверждён советский строй.

За 13 лет существования советской власти Камчатка из края, который «постепенно клонился к упадку», где «средства к жизни истощались», куда «культура и образование не проникали»,¹ превратилась в край передовой рыбопромышленности, в край, где процент охвата обучением детей школьного возраста равен в среднем 48%.²

«Естественный процесс вымирания туземного населения», как именovali буржуазные ученые непрерывное уменьшение коренного населения Камчатки, не только приостановился, наоборот, народности Севера культурно растут и количественно увеличиваются.

Прекрасную иллюстрацию положения национальных меньшинств в капиталистических странах и в СССР даёт сравнение статистических данных о движении туземного населения в советской и японской частях Сахалина. В то время как в Карафуто (японская часть Сахалина) мы наблюдаем быстрый процесс вымирания туземного населения (в 1925 году «естественная» убыль туземных народностей Карафуто была равна 11%), по данным пробной переписи УНХУ РСФСР в 1932 году

¹ Н. Слюнин, Охотско-Камчатский край, СПб. 1900, стр. 92.

² В Чукотском округе — 48%, в Корякском — 57%, в Охотском — 38%. Цифры заимствованы из «Советского Севера» за 1934 г., № 1.

гиялки на советской части Сахалина дали 20,8% естественного прироста.

На Камчатке, где до революции почти не было отечественных промышленных предприятий, к 1935 году было уже 16 консервных заводов, не считая пловучих крабоконсервных заводов. Продукция рыбопромышленности с 1928 по 1934 год возросла в несколько раз и превышает в настоящее время полмиллиона центнеров.

По данным Акционерного Камчатского о-ва, на которое правительством возложено комплексное освоение края, общая сумма капитальных вложений на Камчатке достигла за первую пятилетку 53,4 млн. руб. Большинство из них было вложено в промышленность, в частности в рыбопромышленность.

Огромное внимание уделяется развитию сельского хозяйства на Камчатке. Общая посевная площадь возросла с 1928 по 1934 год в 17 раз, в том числе по социалистическому сектору — почти в 34 раза.

Восстанавливается пушное хозяйство края, разрушенное в период царизма и интервенции. Ныне Камчатка — основной поставщик соболя в Советском Союзе (более трети всей продукции).

Вторая пятилетка, предусматривающая «ускоренный экономический и культурный подъем отсталых национальных республик и областей, в отсталости которых еще до сих пор сказывается наследие царско-колониального режима», еще более резко преобразит облик новой, Советской, Камчатки.

1. НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ КАМЧАТКИ

К концу XVII столетия феодальная Россия, неуклонно продвигаясь на восток Азии, раздвинула свои границы до берегов Великого океана. Сухопутные походы сменяются морскими экспедициями, и в этом районе «мореход» становится центральной фигурой колониальной экспансии последующего века. Две экспедиции Беринга, экспедиция Чирикова, Биллингса и ряд других вывели Российскую империю на широкий путь дальнейшей колониальной экспансии и активного соперничества из-за колоний с другими европейскими державами.

Последним звеном, закончившим «расширение вширь» на востоке Азии и положившим основание «расширению» уже на территории Северо-Западной Америки, звеном, округлившим завоевания века, был полуостров Камчатка, захваченный в 1697—1699 годах русскими казаками.

«Проведывание» русскими Камчатки проходило на фоне глубокого кризиса экономики России, продолжавшегося до начала XVIII века. Падение денежного курса, выпуск новой серебряной монеты из металла, ввозимого главным образом из-за границы, и наконец длительные войны на юге России — еще более усугубили кризис.

За двадцать лет (с 1680 по 1701 год) расходы на военные нужды увеличились в абсолютных цифрах более чем в полтора раза, а в процентном отношении они возросли с 62 до 78% государственного бюджета, удвоившегося по сравнению с 1680 годом.

Максимальное увеличение как прямых, так и косвенных налогов не могло в полной мере покрыть потребностей казны, тем более что увеличивавшийся кризис приводил к непрерыв-

ному росту всевозможных недоимок. Отсюда понятно то усиленное внимание, которое уделяется правительством вопросам увеличения экспорта и форсированию вывоза такого универсального и дорогостоящего предмета, каким являлась сибирская пушнина и в частности сибирский соболь.

В русском экспорте пушнина издавна занимала видное место. Еще в 1584 году Иван IV на просьбу английского посла Иеремя Боуса о дозволении англичанам ездить по сибирским рекам ответил, что «те места в нашей отчине от тех мест, где пристають английские гости, далеко, да и пристанищ морских в тех местах нет и приставать тут не пригодитца, а лишь в тех местах водутца соболи да кречеты, и только такие дорогие товары, соболи и кречеты пойдут в Англинскую ж землю и нашему государству как без того быть».¹

С XVI века количество добываемых мехов начинает, благодаря хищническому уничтожению зверя, падать, а цены на мировом рынке одновременно с этим резко возрастают.

«Прежде, — пишет епископ Паоло Джовио (Павел-Иовий Новокомский), — продавали их (русские меха. — С. О.) гораздо дешевле, ибо жители отдаленного Севера, не знакомые еще тогда с нашей утонченной образованностью и безмерной роскошью, по простоте своей нередко меняли их на самые дешевые и маловажные вещи».²

Вооруженный разбой, ростовщическая торговля и специально организуемые промысловые партии действительно привели к тому, что места, где, по свидетельству того же Джовио, еще совсем недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав их вместе, могли продеть в отверстие топора, куда вставляется топорнице, — оказались опустошенными.

Сведения об истощении запасов русской пушнины во второй половине XVII века, и в частности об уменьшении количества такого наиболее ценного зверя, как соболь, мы встречаем и у Котошихина. «А ныне, — пишет он, — самых добрых соболей от Москвы в ближних городах звериный лов помещался, а ловят соболи средние и плохие, потому что многие звери отпужаны и умалелася; а доставают самые добрые

¹ Сборник Русск. Истор. общества, т. 38, стр. 127.

² П.-И. Новокомский, Посольство от Василия Ивановича, великого князя московского, к папе Клименту VII, «Библиотека иностр. писателей о России», СПб. 1836, т. I, стр. 40—41.

соболи и иные звери в самых дальних остатних сибирских городах, на Лене, и от того соболи начинают быть перед старою ценою дороже». ¹

То же положение впоследствии констатирует и Миллер, утверждая, что «соболи в некоторых местах так вывелись, что и следов их более не осталось». ²

Необходимостью увеличения получаемых из Сибири пушных доходов, которые в 1680 году достигали уже 143 610 руб., ³ объясняется и то огромное внимание, которое в девяностых годах XVII века правительство начинает уделять урегулированию вопросов о злоупотреблениях в системе сибирского управления.

В апреле 1695 года была запрещена практиковавшаяся до сего времени смена через каждые два года сибирских воевод «для того, что от таких частых перемен казне начали быть великие недоборы и всяким доходам оскудение». В указе отмечалось, что воеводы «лучшие соболи выбирали себе, а худые отдавали в государеву казну».

В конце того же года Сибирскому Приказу вновь было подтверждено, что «если же воеводы станут красть или умалять государеву казну или станут кого казнить смертию, то будут сами казнены смертию и вотчины их все и дворы, и поместья и имение будут взяты на великого государя бесповоротно».

В 1697 году был даже издан указ, запрещавший служилым и «всяких чинов людям» в Сибири носить дорогие платья, так как «те служилые люди, у которых такое излишнее дорогое платье есть, делают его не от правого своего пожитку, кражею нашея великого государя казны или с иноземцев грабежом те богатства себе наживают».

Мысль о необходимости увеличения количества получаемой пушнины, как основная задача правительства в Сибири, особенно рельефно проявляется в наказе Петра от 1 сентября 1697 года направляемому в Тобольск ближнему боярину Черкасскому, которому предписывалось всячески форсировать

¹ Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4, СПб. 1906, стр. 94.

² «Ежемесячные сочинения», 1756, февраль, стр. 188.

³ В переводе на довоенный рубль это составляло свыше 2¹/₂ миллионов руб.

открытие «новых земель» и категорически воспрещалось взамен «мягкой рухляди» взимать ясак деньгами.

Не случайно поэтому, что дата появления русских на Камчатке одновременно является и датой введения государственной монополии на соболиную торговлю.

Кризис и то обстоятельство, что соболиная ясачная казна «учала перед прошлыми годами гораздо малиться... а в то же время у торговых людей в покупке и в отвозе в русские города явились многие соболи», заставили «первого купца в своем государстве» окончательно монополизировать всю соболиную торговлю, и эта же причина выдвинула задачу «проведать» тот край, где «соболей невероятное множество» и где коренное население «при покорении своем за ясак соболиный не только не спорили, но напротив того, весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей». ¹

Камчатка была известна русским задолго до ее «открытия», и наименование «Камчатка» встречается уже на чертеже Сибири Петра Годунова 1667 года.

Первыми из русских, узнавших о Камчатке, были казак Дежнев и его спутники, обогнувшие в конце сороковых годов XVII века северо-восток Азии. По некоторым сведениям, часть людей приказчика купца Усова, во главе с Федором Алексеевым, направившимся в 1648 году в плавание совместно с Дежневым, отнесенные к югу, достигли реки Камчатки. По сведениям, сообщаемым Миллером, еще в 1728 году на реке Федотовке были видны остатки русских зимовий.

К этому же периоду относится и первое знакомство русских с чукчами (луораветланами). В 1642 году на реке Алазее братья Ерастовы встретили юкагиров (огулов), а «ними были с тундры чюхчи».

В 1647 году в Якутске в «распросных речах» казак Михаил Стадухин, плававший до Колымы, сообщил, что «чюхчи та же что и самалдь, оленные, сидячие ж». ²

В конце сороковых годов XVII века (по одним сведениям в 1647 году, по другим — в 1642 году) был основан Анадырский

¹ С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПб. 1755, т. I, стр. 215.

² «Дополнение к актам историческим», изд. Археографической комиссии, СПб. 1848, т. III, стр. 99.

острог, и с этого времени казаки делают неоднократные попытки объясачить гижигинских коряков (нымылланов).

В 1679 году был основан Акланский острог, и таким образом район, ограниченный Анадырем, Акланом, Таловкой и Олюторой, так называемое Заносье, стал объектом неоднократных набегов со стороны русских.

Но лишь в годы кризиса, в конце XVII века, русские активно приступили к завоеванию северо-восточной части Азии, и в частности к завоеванию Камчатки.

В середине 1695 года прибыл из Якутска в Анадырь новый приказчик Владимир Атласов, деятельно взявшийся за «проведывание» Камчатки, о богатстве которой среди анадырских казаков ходили самые невероятные слухи.

В 1696 году была сделана предварительная разведка, и посланный Атласовым казак Морозко проник до Тигили, где разгромил камчадалский острог.

В следующем году отправился уже сам Атласов, имея при себе отряд, состоявший из 60 служилых и промысленных людей и 60 ясачных юкагиров.

Перевалив хребет и идя по западному берегу полуострова, Атласов дошел до реки Озерной. Затем, вернувшись назад до реки Ичи, перевалил вновь хребет и спустился на реку Камчатку.

Эта дорога по западному берегу полуострова долгое время была единственным путем, соединявшим отдаленную Камчатку со всей страной. При этом следует иметь в виду, что административным и хозяйственным центром был не Анадырь, откуда шел Атласов, а Якутск, что во много раз затрудняло связь с полуостровом.

От Якутска шли к северу по реке Яне, приблизительно до нынешнего Верхоянска, затем по реке Индигирке на Колыму к Средне-Колымскому зимовью. Отсюда на Нижне-Колымск, затем по рекам Анюю и Анадырю до Анадырского острога, а затем по западному берегу Камчатского полуострова. Весь этот путь требовал около года, причем проходил по местности, заселенной народами, еще не окончательно покоренными.

Коряки и камчадалы (ительмены) по пути следования Атласова оказывали его отряду упорное сопротивление, отказываясь платить ясак.

В низовьях реки Камчатки Атласов наткнулся на становище камчадалов, где имелось свыше четырех юрт. «И он де Воло-